

— Учитель Линь, вы не ругаете того, кто поднял руки, а первым делом обвиняете пострадавшую сторону? По-вашему, моя дочь заслужила побои?

Лю Юйсю снова перебила его, треща как из пулемета:

— Разве я не знаю характер своей дочери? Разве я знаю ее хуже других? Станет она сама провоцировать конфликт? Полезет сама в драку? Лю Чан с самого детства ни с кем слова грубого не молвила, а перейдя в ваш класс, вдруг пошла с кем-то драться? Учитель Линь, даже если вы верите, что в драке всегда виноваты оба, знайте меру! Какая Лю Чан и какой Цзян Хуай — неужели вы, как классный руководитель, этого не понимаете?

У старины Линя на лбу выступил пот:

— Да нет же, вы сначала...

Голос Лю Юйсю полностью заглушил речь Линь Фэя. С каждым словом на ее лице появлялось все больше отвращения, брови сошлись так сильно, что между ними можно было зажать комара. Указав пальцем на Цзян Хуая, она строго выкрикнула:

— Я целый год была классным руководителем Цзян Хуая! Учитель Линь, если вы до сих пор этого не поняли, то я-то уж точно знаю, кто он такой! Разве он мало творил подобных бесчинств? Разве прошел хотя бы месяц с тех пор, как он притащил в школу хулиганов и устроил драку? Когда школа его не отчислила, она лишь оставила беду на свою голову! Да что там пробитая голова одноклассницы, он способен даже на изнасилование Омеги...

Стеклянный стакан со свистом врезался в пол и разлетелся вдребезги, а осколки едва не долетели до туфель Лю Юйсю на высоком каблуке.

Лю Юйсю вздрогнула от испуга, замолкла и отшатнулась назад:

— Ты что вытворяешь?!

Линь Фэй тоже испугался:

— Ой!

Бо Цзянь убрал руку и вежливо улыбнулся:

— Прошу прощения, но, пожалуйста, для начала успокойтесь.

Цзян Хуай повернул голову и уставился на Бо Цзяня, слегка нахмурившись.

Лю Юйсю еще не пришла в себя от испуга. Разумеется, она знала Бо Цзяня — на прошлых ежемесячных экзаменах он снова занял первое место на параллели, и так продолжалось еще с десятого класса. Она подняла голову:

— А тебе-то какое дело? Ты еще и стаканы бьешь?!

Она указала на пол:

— Вымети все осколки отсюда! Ты что о себе возомнил?!

Бо Цзянь не шелохнулся. Он неторопливо произнес:

— Учитель Лю, если вы пришли требовать объяснений от учителя Линя и Цзян Хуая как родительница, вам следует дожидаться, пока школа сама свяжется с вами, а не приходить по собственной инициативе. И объяснения вам должен давать отдел воспитательной работы школы, а не сам Цзян Хуай.

Лю Юйсю опешила, но тут же возразила:

— Бо Цзянь, а к тебе это имеет какое-то отношение?

— Никакого.

— Раз никакого, то почему ты...

— Учитель Лю Юйсю, вы слишком шумите.

Лю Юйсю не ожидала, что Бо Цзянь станет говорить с ней в таком тоне. Ее лицо изменилось:

— Что ты сказал? — Она повернулась к Линь Фэю: — Учитель Линь, и это ученик вашего класса?!

Виноват Цзян Хуай, а Лю Юйсю допрашивает Линь Фэя; заговорил Бо Цзянь, а Лю Юйсю снова набросилась на Линь Фэя. На лбу у Линь Фэя выступил пот, он хотел что-то сказать, но Бо Цзянь мягко спросил:

— Вам не кажется, что сейчас вы нарушаете порядок в школе? Устраивая шум и скандал в учительской, чем вы отличаетесь от Цзян Хуая?

— Что... что за абсурдные доводы?! — Если бы эти слова произнес Цзян Хуай, Лю Юйсю уже влепила бы ему пару пощечин... Но это сказал Бо Цзянь. А с некоторыми учениками даже учителя предпочли бы не связываться.

В такой школе, как Вторая школа, куда поступали благодаря высоким баллам, у большинства семьи были вполне обеспеченными, но без крайнего богатства, поэтому подобные ситуации случались редко.

Но все же они бывали.

Когда подобные ученики совершали проступки, учителям приходилось молчать, замечания делать сдержанно, а при любой возможности и вовсе закрывать глаза.

Бо Цзянь за весь десятый класс ни разу не оступился не только потому, что умел притворяться. На уроках он читал внеклассную литературу, делал задания по другим предметам, прогуливал школьные мероприятия, и учителя не были ни слепыми, ни глупыми, однако никто из них его не наказывал.

Кроме Линь Фэя. Старина Линь всегда придерживался принципа равного отношения ко всем и заставил этого отличника написать не одно объяснительное письмо.

Лю Юйсю долго не могла подобрать слов и наконец выцедила:

— Где это я шумела?! Наговариваешь тут... Ты вообще считаешь меня учителем?

— Если считаете, что я проявляю неуважение к учителю, — улыбнулся Бо Цзянь, — можете доложить о моем поведении руководству, пусть школа вынесет мне взыскание.

Цзян Хуай так и не понял, что происходит, лишь подумав про себя: «Черт, а председатель Бо дерзит не на шутку».

Разве это не прямое: «И что ты мне сделаешь?»

Круто. У отличников особые привилегии?

Лю Юйсю неожиданно замялась... То, что Лю Юйсю замолчала, в глазах Цзян Хуая было сопоставимо с тем, как если бы солнце утром взошло на западе.

Линь Фэя несколько раз перебила Лю Юйсю, а потом еще и Бо Цзянь. Он завел руки за спину и со строгим видом произнес:

— Учитель Лю, вернитесь сначала к себе в кабинет. О наказании по этому делу я доложу в отдел воспитательной работы. Не горячитесь, от вашей спешки толку не будет.

Лю Юйсю с ненавистью окинула Цзян Хуая свирепым взглядом, но тот лишь лениво стоял, даже не подняв головы.

— Что ж, тогда пусть решение о наказании принимает отдел воспитательной работы. Виновного никто не прикроет! — хмыкнула Лю Юйсю. — Учитель Линь, я пошла.

Старина Линь тоскливо помассировал виски и уселся обратно в вращающееся кресло. Он повернул голову, взглянул на Цзян Хуая, затем на Бо Цзяня и, наконец, на Сюй Вэньяна... Сюй Вэньян от начала и до конца молчал: не говоришь — и беда обойдет стороной. Как только Лю Юйсю ушла, он сам пошел за веником и подмел разбитый стакан.

— Цзян Хуай, что ты собираешься делать? — спросил Линь Фэй.

Цзян Хуай ничего не ответил.

Линь Фэй спросил снова:

— Думаешь, если тебя отчислят, то и ладно?

— Будь что будет, положусь на судьбу.

— ... — Линь Фэй не сдержался: — А когда дрался, что-то ты на судьбу не полагался!

Цзян Хуай помолчал несколько секунд:

— Моя судьба в моих руках, а не в руках небес.

Бо Цзянь скользнул взглядом по Цзян Хуаю.

Линь Фэй одновременно злился и хотел рассмеяться, а заодно дать Цзян Хуаю пинка. Заведя руки за спину, он долго упрямо смотрел на парня.

Бо Цзянь тихо произнес:

— Учитель, пусть Цзян Хуай сначала вернется в класс и повторит материал.

Цзян Хуай обернулся:

— ??

— После обеда еще экзамены... Каким бы ни было решение, пусть Цзян Хуай сначала сдает экзамены.

— Да блин, не надо...

Бо Цзянь вздохнул без малейшей искренности:

— Он все выходные готовился к экзаменам на этой неделе.

Линь Фэй вскинул брови:

— Да неужели?

— Я занимался с ним, — ответил Бо Цзянь.

Лицо Цзян Хуая сделалось мертвенно-бледным от злости.

— Ты помогал Цзян Хуаю готовиться? — Линь Фэй с удивлением посмотрел на Цзян Хуая, словно взглянув на него совершенно иными глазами. Подумав немного, он произнес: — Тогда идите в класс и повторяйте... Сейчас идут пробные экзамены, да и промежуточные не за горами, учителя параллели ставят экзамены превыше всего, так что, думаю, экзамены вам сорвать не должны... — Старина Линь похлопал Цзян Хуая по плечу: — Сдай как следует!

Цзян Хуай: «...»

По дороге в класс Цзян Хуай всю дорогу не произнес ни слова. Он шел впереди, а Бо Цзянь держался в двух шагах позади, не торопясь следуя за ним.

Цзян Хуай вошел через заднюю дверь. До обеденного перерыва оставалось минут десять. В классе стоял шум, но ребята не просто шушукались: они то обсуждали задачи с одноклассниками, то зубрили формулы и слова. Во второй половине дня предстояли экзамены по математике и физике.

Цзян Хуай вернулся на свое место и наугад вытащил какую-то книгу из стола. Как только он сел, несколько сидевших впереди учеников вытянули шеи, чтобы бросить на него взгляд, затем отвернулись, а следом за ними обернулись другие.

Цзян Хуай никак не отреагировал и развернул тетрадь по математике. Он взглянул на красную царапину у себя на руке.

Кто-то слегка потянул его за одежду сзади.

Цзян Хуай обернулся.

Бо Цзянь тихо сказал:

— Наклей пластырь.

Цзян Хуай почувствовал странное неловкое ощущение, уши запылали. Он натянуто протянул руку и сухо выговорил:

— Дай мне... Спасибо.

Уголки губ Бо Цзяня слегка приподнялись:

— Повернись ко мне, я сам наклею.

Цзян Хуай и сам не понимал, что у него в голове, ляпнув:

— В классе полно народа.

Бо Цзянь какое-то время смотрел на него. Цзян Хуая охватило легкое смятение, уши горели все сильнее.

— Сделай вид, будто я разбираю с тобой задачу, — с легким смешком сказал Бо Цзянь. — Не нужно стесняться.

Цзян Хуай: «...!»

Он хотел сказать «я не стесняюсь», но такое заявление звучало бы так, будто он оправдывается и пытается скрыть очевидное. А промолчишь — выйдет, будто соглашаешься. Высказать это или промолчать — одинаково плохо... Цзян Хуай поджал подбородок и с каменным лицом повернулся обратно, сделав вид, будто ничего не произошло.

— Протяни руку.

Цзян Хуай протянул руку.

Бо Цзянь очень бережно приподнял рукав Цзян Хуая... Кожа на запястье Цзян Хуая была очень светлой, поэтому следы от пальцев выделялись особенно отчетливо. Проведя подушечкой пальца по синякам, Бо Цзянь спросил:

— Больно?

— Нет.

Бо Цзянь потянул Цзян Хуая за запястье к себе и, опустив взгляд, спросил:

— Хочешь, подую?

— ...

Цзян Хуай резковато бросил:

— Не надо. Ты клеить собираешься или нет?

— Клею, не торопись.

Бо Цзяню хотелось поцеловать руку Цзян Хуая, взять его оцарапанный палец в губы. Он надрезал упаковочную полоску пластыря и аккуратно обернул его вокруг пальца Цзян Хуая.